

АРТУР КОНАН

ДОЙЛ

*ЗАПИСКИ ВРАЧА
ОБЩЕЙ ПРАКТИКИ*

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я   К Л А С С И К А

Эксклюзивная классика (АСТ)

Артур Конан Дойл

Записки врача общей практики

«Издательство АСТ»

УДК 821.111-32
ББК 84(4Вел)-44

Дойл А.

Записки врача общей практики / А. Дойл — «Издательство АСТ», — (Эксклюзивная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-148571-9

Создатель Шерлока Холмса Артур Конан Дойл отметил в своем письме: «Звание, которым я больше всего дорожу, – это доктор». Он был врачом по профессии, увлекался науками и постоянно экспериментировал, а из проведенных им осмотров и диагностики пациентов черпал вдохновение, сочиняя невероятные сюжеты для своих историй. «Фиаско в Лос-Амигосе», «Проклятие Евы», «Хирург из Гастер-Фелл», «Тайна запечатанной комнаты»... Этот сборник включает в себя рассказы разных лет, в которых читатель найдет и интересные случаи и происшествия из жизни врачей, и непредсказуемые повороты событий с детективными линиями, и драму, и юмор. В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

УДК 821.111-32

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-148571-9

© Дойл А.

© Издательство АСТ

Содержание

Отстал от жизни	6
Его первая операция	9
Последний герой битвы при Ватерлоо	14
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Артур Конан Дойл Записки врача общей практики (сборник рассказов)

© Перевод. Т. Осина, 2023

© Перевод. Н. Высоцкая, наследники, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

* * *

Артур Конан Дойл (1859–1930) – английский писатель, подаривший миру книги о приключениях Шерлока Холмса, автор «Затерянного мира», «Белого отряда», «Сэра Найджела», «Приключений бригадира Жерара» и многих других популярных произведений, переведенных на многие языки мира.

Отстал от жизни

Моя первая встреча с доктором Джеймсом Винтером произошла при весьма драматических обстоятельствах. Случилось это в спальне старого загородного дома в два часа ночи. Пока доктор с помощью женщин заглушал фланелевой юбкой мои гневные вопли и купал меня в теплой ванне, я дважды лягнул его в белый жилет и сбил с носа очки в золотой оправе. Мне рассказывали, что оказавшийся при этом один из моих родителей тихонько заметил, что с легкими у меня, слава богу, все в порядке. Не могу припомнить, как выглядел в ту пору доктор Винтер: меня тогда занимало другое, – но он описывает мою внешность отнюдь не лестно. Голова лохматая, тельце, как у общипанного гусенка, ноги кривые – вот что ему в ту ночь запомнилось.

С этой поры периодические вторжения в мою жизнь доктора Винтера разделяют ее на эпохи. Он делал мне прививки, вскрывал нарывы, ставил во время свинки компрессы. На горизонте моего безмятежного существования маячило единственное грозное облако – доктор. Но пришло время, когда я заболел по-настоящему: долгие месяцы провел я в своей плетеной кровати, и вот тогда я узнал, что суровое лицо доктора может быть приветливым, что скрипучие, сработанные деревенским сапожником башмаки его способны удивительно осторожно приближаться к постели и что, когда доктор разговаривает с больным ребенком, грубый голос его смягчается до шепота.

Но вот ребенок вырос и сам стал врачом, а доктор Винтер остался как был. Только побелели волосы, да еще более опустились могучие плечи. Доктор очень высокий, но из-за своей сутулости кажется дюйма на два ниже. Широкая спина его столько раз склонялась над ложем больных, что и не может уже распрямиться. Сразу видно, что часто приходилось ему шагать в дождливые, ветреные дни по унылым деревенским дорогам, – такое темное, обветренное у него лицо. Издали оно кажется гладким, но вблизи видны бесчисленные морщинки – словно на прошлогоднем яблоке. Их почти незаметно, когда доктор спокоен, но стоит ему засмеяться, как лицо его становится похожим на треснутое стекло, и тогда ясно, что лет старику еще больше, чем можно дать на вид. А сколько ему на самом деле, я так и не смог узнать. Частенько пытался я это выяснить, добирался до Георга IV и даже до регентства, но до исходной точки так никогда и не дошел. Вероятно, ум доктора стал очень рано впитывать всевозможные впечатления, но рано и перестал воспринимать что-либо новое, поэтому волнуют доктора проблемы прямо-таки допотопные, а события наших дней его совсем не занимают. Толкуя о реформе избирательной системы, он сомневается в ее разумности и неодобрительно качает головой, а однажды, разгорячившись после рюмки вина, он гневно осуждал Роберта Пиля и отмену хлебных законов. Со смертью этого государственного деятеля история Англии для доктора Винтера закончилась, и все позднейшие события он расценивает как явления незначительные.

Но только став врачом, смог я убедиться, какой совершеннейший пережиток прошлого наш доктор. Медицину он изучал по теперь уже забытой и устаревшей системе, когда юношу отдавали в обучение к хирургу и анатомию штудировали, прибегая к раскопке могил. В своем деле он еще более консервативен, чем в политике. Пятьдесят лет жизни мало что ему дали и еще меньшего лишили. Во времена его юности широко обучали делать вакцинацию, но мне кажется, в душе он всегда предпочитал прививки.

Он бы охотно применял кровопускание, да только теперь никто этого не одобряет. Хлороформ доктор считает изобретением весьма опасным и, когда о нем упоминают, недоверчиво щелкает языком. Известно, что он нелестно отзывался даже о Лаэннеке и называл стетоскоп «новомодной французской игрушкой». Из уважения к своим пациентам доктор, правда, носит в шляпе стетоскоп, но он туг на ухо, и потому не имеет никакого значения, пользуется он инструментом или нет.

По долгу службы он регулярно читает медицинский еженедельник и имеет общее представление о научных достижениях, но продолжает считать их громоздкими и смехотворными экспериментами. Он едко иронизировал над теорией распространения болезней посредством микробов и любил шутя повторять у постели больного: «Закройте дверь, не то налетят микробы». По его мнению, теория Дарвина – самая удачная шутка нашей эпохи. «Детки в детской, а их предки в конюшне!» – кричал он и хохотал так, что на глазах выступали слезы.

Доктор настолько отстал от жизни, что иной раз, к немалому своему изумлению, он обнаруживает – поскольку в истории все повторяется, – что применяет новейшие методы лечения. Так, в дни его юности было очень модно лечить диетой, и тут он превосходит своими познаниями любого другого известного мне врача. Массаж ему тоже хорошо знаком, тогда как для нашего поколения он новинка. Доктор проходил курс наук, когда применяли еще очень несовершенные инструменты и учили больше доверять собственным пальцам. У него классическая рука хирурга с развитой мускулатурой и чувствительными пальцами – «на кончике каждого – глаз».

Вряд ли я забуду, как мы с доктором Паттерсоном оперировали сэра Джона Сирвелла. Мы не могли отыскать камень. Момент был ужасный. Карьера Паттерсона и моя висела на волоске. И тогда доктор Винтер, которого мы только из любезности пригласили присутствовать при операции, запустил в рану палец – нам с перепугу показалось, что длиной он никак не меньше девяти дюймов, – и в мгновение ока выудил камень.

– Всегда хорошо иметь в кармашке жилета такой инструмент, – посмеиваясь, сказал он тогда, – но, по-моему, вы, молодые, это презираете.

Мы избрали его президентом местного отделения Ассоциации английских медиков, но после первого же заседания он сложил с себя полномочия.

– Иметь дело с молодежью – не для меня, – заявил он. – Никак не пойму, о чем они толкуют.

А между тем пациенты его благополучно выздоравливают. Прикосновение его целебно – это его магическое свойство невозможно ни объяснить, ни постигнуть, но тем не менее это очевидный факт. Одно лишь присутствие доктора наполняет больных надеждой и бодростью. Болезнь действует на него, как пыль на рачительную хозяйку: он сердится и жаждет взяться за дело.

– Ну, ну, так не пойдет! – восклицает он, впервые посещая больного. Он отгоняет смерть от постели, как случайно влетевшую в комнату курицу. Когда же незванный гость не желает удаляться, когда кровь течет все медленнее и глаза мутнеют, тогда присутствие доктора Винтера полезнее любых лекарств. Умиравшие не выпускают руку доктора; его крупная энергичная фигура и жизнелюбие вселяют в них мужество перед роковой переменой. Многие страдалцы унесли в неведомое как последнее земное впечатление доброе обветренное лицо доктора.

Когда мы с Паттерсоном – оба молодые, полные энергии современные врачи – обосновались в этом районе, старый доктор встретил нас очень сердечно, он был счастлив избавиться от некоторых пациентов. Однако сами пациенты, следуя собственным пристрастиям – отвратительная манера! – игнорировали нас со всеми нашими новейшими инструментами и алкалоидами. И доктор продолжал лечить всю округу александрийским листом и каломелью. Мы оба любили старика, но между собой, однако, не могли удержаться, чтобы не посетовать на прискорбное отсутствие у пациентов здравого смысла.

– Бедняки-то уж понятно, – говорил Паттерсон. – Но люди образованные вправе ожидать от лечащего врача умения отличить шум в сердце при митральном пороке от хрипов в бронхах. Главное – способность врача разобраться в болезни, а не то, симпатичен он тебе или нет.

Я полностью разделял мнение Паттерсона. Но вскоре разразилась эпидемия гриппа, и от усталости мы валились с ног.

Утром, во время обхода больных, я встретил Паттерсона, он показался мне очень бледным и изможденным. То же самое он сказал обо мне. Я и в самом деле чувствовал себя скверно и после полудня весь день пролежал на диване – голова раскалывалась от боли, и страшно ломило суставы.

К вечеру сомнений не оставалось – грипп свалил и меня. Надо было немедленно обратиться к врачу. Разумеется, прежде всего я подумал о Паттерсоне, но почему-то мне стало вдруг неприятно.

Я вспомнил, как он хладнокровно, придирчиво обследует больных, без конца задает вопросы, бесконечно берет анализы и барабанит пальцами. А мне требовалось что-то успокаивающее, более участливое.

– Миссис Хадсон, – сказал я своей домохозяйке, – сходите, пожалуйста, к старику Винтеру и скажите, что я был бы крайне ему признателен, если б он навестил меня.

Вскоре она вернулась с ответом:

– Доктор Винтер, сэр, заглянет через часок, его только что вызвали к доктору Паттерсону.

Его первая операция

В первый день зимней сессии по улице Эдинбурга шли два студента – третьекурсник и первокурсник. Часы на Тронской церкви показывали полдень.

– Послушай, – обратился к спутнику третьекурсник. – Ты, наверное, еще ни разу не присутствовал на операции?

– Ни разу.

– Тогда давай зайдем сюда. Это знаменитый бар Розерфорда. Бармен, будьте любезны: стакан хереса для этого джентльмена. Как у тебя с нервами?

– Боюсь, не очень.

– Хм! Будьте добры, еще один стакан хереса для этого джентльмена. Видите ли, мы идем на операцию.

Первокурсник развернул плечи и совершил благородную попытку выглядеть невозмутимым.

– Надеюсь, ничего страшного, а?

– Как тебе сказать... вообще-то, может оказаться довольно жутко.

– Неужели... неужели ампутация?

– Нет. Дело еще серьезнее.

– Думаю... понимаешь, вспомнил, что меня ждут дома.

– Отлынивать бессмысленно. Если не пойдешь сегодня, все равно придется идти завтра, так что лучше пересилить себя. Ну как, готов?

– О, да! Все в порядке.

Попытка невозмутимо улыбнуться успехом не увенчалась.

– Тогда еще один стакан хереса. Ну вот, а теперь пора идти, не то опоздаем. Хочу занять места в первом ряду.

– Уверен, в этом нет необходимости.

– Напротив, так будет намного лучше! Соберется толпа студентов, будет много новичков. Их легко заметить: стоят бледные и перепуганные, будто это их будут оперировать.

– Ну я вряд ли побледнею.

– Не зарекайся. Ничего, поначалу я и сам таким был. Но страх быстро проходит. Тот самый парень, который на первой операции сидит с мертвенно-бледным лицом, уже через неделю преспокойно жует бутерброд в прозекторской. Когда придем в аудиторию, подробно изложу историю болезни.

К клинике двигалась плотная толпа студентов, каждый нес небольшую стопку тетрадей и блокнотов. В рядах стремящихся к знаниям молодых людей встречались и только что окончившие школу бледные, испуганные юноши, и закоренелые очерстневшие ветераны, чьи бывшие однокурсники давно стали докторами. Шумный, стремительный поток вырывался из ворот университета и тек в сторону больничного корпуса. Хотя фигуры джентльменов, равно как и походка, свидетельствовали о возрастной свежести, далеко не все лица выглядели цветущими. Некоторые физиономии сообщали, что их владельцы слишком мало едят, а некоторые заявляли об избыточном потреблении крепких напитков. Высокие и низкорослые, одетые в твидовые костюмы и простые черные куртки, плотные и худые, спортивного вида и очкарики – постукивая о булыжную мостовую каблуками и тростями, студенты целеустремленно и дружно направлялись к воротам клиники. Время от времени толпа расступалась, пропуская экипажи служивших при университете хирургов.

– На операции Арчера всегда собирается много народу, – возбужденным шепотом сообщил старший из приятелей. – Потрясающе работает! Однажды я видел, как он оперирует аорту, так от восторга чуть с ума не сошел! Нам сюда. Осторожнее, на стенах побелка, не испачкайся.

Пройдя под аркой, они направились по длинному, вымощенному старинными потертými плитами коридору, по обе стороны которого располагались пронумерованные, но давно не крашенные двери. Некоторые оставались открытыми, и в одну из них первокурсник осмелился осторожно заглянуть. Вид палаты сразу успокоил: взору предстало симпатичное, бодрящее зрелище: ярко горящий камин, ряды аккуратно застеленных белых кроватей, множество ярких плакатов на стенах. Коридор привел в небольшой зал, где на скамьях вдоль стен сидели бедно одетые люди. От одного посетителя к другому переходил молодой человек с ножницами, торчащими в петлице, как бутоньерка, что-то тихо спрашивал и записывал ответы в блокнот.

– Есть что-нибудь интересное? – осведомился третьекурсник.

– Вы бы вчера зашли, – обернувшись, ответил дежурный фельдшер. – Ну и денек выдался! Аневризма подколенной артерии, перелом лучевой кости, *spina bifida*¹, амёбный абсцесс и пахидермия. Каков набор?

– Жалею, что пропустил. Но ведь все эти пациенты придут снова, полагаю? А что случилось с тем пожилым джентльменом?

В дальнем углу, медленно, со стонами раскачиваясь, скорчился немолодой рабочий. Сидевшая рядом женщина старалась его утешить и нежно поглаживала по плечу рукой, покрытой странными мелкими волдырями.

– Огромный, великолепный карбункул, – пояснил фельдшер с видом знатока, описывающего свои орхидеи слушателю, способному в полной мере оценить достоинства экзотических растений. – На спине, а в коридоре сквозняк, так что осмотреть пока не сможем. Верно, папаша? – обратился он к больному и, указывая на обезображенные руки спутницы, продолжил: – Пузырчатка. Кстати, не хотите ли задержаться у нас и между делом удалить пястную кость?

– Нет, благодарю. Нам пора: идем на операцию Арчера. – С этими словами третьекурсник уверенно влился в спешившую в демонстрационный зал толпу, а первокурсник покорно последовал за ним.

Поднимавшийся от пола до потолка полукруглый амфитеатр оказался переполненным. Войдя, новичок смутно, словно в тумане, увидел длинные изогнутые ряды лиц, услышал приглушенное гуденье сотни голосов. Откуда-то сверху донесся непринужденный смех. Старший товарищ нашел свободное место во втором ряду, и оба не без труда втиснулись в пространство, предназначенное для одного.

– Отлично! – прошептал третьекурсник. – Прекрасно все увидишь и услышишь.

И правда, от операционного стола приятелей отделял только один ряд голов. Стол представлял собой неокрашенную поверхность – ровную, крепкую и безупречно чистую. Половину ее покрывала коричневая клеенка, а рядом, на полу, стоял полный опилок большой оловянный поддон. Чуть дальше, перед окном, располагался стол поменьше, где в строгом порядке лежали блестящие хирургические инструменты: щипцы, расширители, пилы, троакары и разнообразных размеров крючки. Отдельно, сбоку, располагался ряд длинных, тонких, чрезвычайно острых скальпелей. Возле всего этого богатства в свободных позах сидели два молодых человека: один заправлял в иглы нитки, а второй что-то делал с похожей на кофеварку, с шипением выпускавшей пар медной посудинной.

– Тот крупный лысый мужчина в первом ряду – это Питерсон, – почтительным шепотом пояснил третьекурсник. – Специалист по пересадке кожи. А рядом – Энтони Браун, который прошлой зимой успешно удалил гортань. Дальше сидят патологоанатом Мерфи и окулист Стодарт. Скоро со всеми познакомишься.

– А что за люди вон там, возле хирургического стола?

---

¹ Расщепление позвоночника (*лат.*).

– Да никто – просто ассистенты. Один отвечает за инструменты, а другой занимается «пыхтящим Билли». Так мы прозвали антисептический распылитель Листера. Надо сказать, что Арчер – ярый поборник карболовой кислоты и непримиримо враждует с Хейесом, главой школы безупречной чистоты и холодной воды. Эти светила смертельно друг друга ненавидят.

Две медсестры вывели женщину в нижней юбке и корсаже, и по рядам пронесся оживленный, заинтересованный шепот. Голову и шею пациентки прикрывала красная шаль. Лицо свидетельствовало о расцвете лет, однако в то же время красноречиво говорило о страдании и отличалось специфическим восковым оттенком. Женщина шла, понурившись, а одна из медсестер, обняв ее за талию, шептала на ухо слова утешения. Проходя мимо инструментального стола, пациентка бросила на него беглый взгляд, однако медсестры тут же увели ее прочь.

– Чем она больна? – с трепетом осведомился первокурсник.

– Раком околоушной железы. Особенно тяжелый случай: опухоль уже проникла за сонную артерию. Никто, кроме Арчера, не взялся бы оперировать. А вот и наш профессор собственной персоной!

В этот момент, потирая руки, в зал стремительно вошел невысокий, подвижный, похожий на морского офицера человек с чисто выбритым лицом. Сходство придавали большие светлые глаза, прямой твердый рот и четко очерченный подбородок. Следом за ним в аудитории появился высокого роста штатный хирург больницы в блестящем пенсне. Вокруг стола тут же разместилась стайка ассистентов.

– Джентльмены! – громким голосом, под стать решительным живым манерам, обратился к присутствующим профессор Арчер. – Здесь мы имеем интересный случай опухоли околоушной железы, исходно хрящевого генеза, впоследствии малигнизированной и требующей удаления. Положите больную на стол, сестра! Благодарю. Хлороформ, ассистент! Спасибо! Сестра, можете снять покрывало.

Пациентка легла на клеенчатую подушку, и внимательным взглядам наблюдателей открылась смертоносная опухоль. Само по себе новообразование выглядело даже симпатичным: цвета слоновой кости, оплетенное просвечивающими сквозь кожу голубыми венами, оно мягко изгибалось и спускалось от челюсти к груди. Однако изможденное желтое лицо и жилистое горло больной пугающе контрастировали с пухлой мягкостью и гладкостью чудовищного нароста. Хирург положил руки с обеих сторон опухоли и медленно пошевелил ее из стороны в сторону.

– Прочно держится на одном месте, джентльмены! – громко заявил он. – Вовлечена сонная артерия, яремная вена, и проходит за ответвлением нижней челюсти, куда нам придется проникнуть. Пока трудно предположить, насколько глубокое рассечение потребуется в данном случае. Попрошу поднос с карболкой. Спасибо! А теперь, пожалуйста, повязки, пропитанные карболовой кислотой. Мистер Джонсон, обеспечьте подачу хлороформа. И приготовьте маленькую пилу на тот случай, если придется удалить челюсть.

Из-под закрывавшего лицо пациентки полотенца донеслись слабые стоны. Она попыталась поднять руки и согнуть ноги в коленях, однако два крепких ассистента не позволили это сделать. И без того тяжелый воздух операционного зала наполнился едкими запахами карболовой кислоты и хлороформа. Из-под полотенца послышался приглушенный возглас, а потом высокий, дрожащий, монотонный голос пропел:

«Мой миленький сказал:
Если пойдешь со мной,
То станешь моей женой,
Станешь хозяйкой тележки...»

Песенка стихла, а потом и вовсе замерла. По-прежнему потирая руки, знаменитый хирург подошел к амфитеатру и обратился к сидевшему в первом ряду, непосредственно перед первокурсником, пожилому джентльмену:

– Правительство на грани провала.

– Чтобы удержаться на плаву, им вполне хватило бы большинства в десять голосов, – ответил тот.

– Не наберут и десятка. Чем оказаться перед фактом, лучше бы сами подали в отставку.

– На их месте я бы боролся до конца.

– Что толку? Даже если законопроект пройдет в парламенте, все равно не сможет получить поддержку в комитете. Я разговаривал с...

– Пациентка готова, сэр, – объявил ассистент.

– Разговаривал с Макдоналдом. Ладно, потом расскажу.

Хирург вернулся к столу, где неровно и тяжело дышала больная.

– Предлагаю, – снова заговорил он, едва ли не с нежностью поглаживая опухоль, – произвести свободный разрез наверху, возле задней стенки, а еще один сделать в нижнем конце, под прямым углом. Будьте добры средний скальпель, мистер Джонсон.

С расширенными от ужаса глазами первокурсник смотрел, как профессор Арчер взял длинный, узкий, блестящий нож, окунул его в оловянный таз с карболовой кислотой и покрутил в пальцах точно так же, как крутит кисть художник, прежде чем приняться за картину. Затем левой рукой решительно сжал кожу над опухолью. От этого страшного зрелища до предела натянутые нервы первокурсника окончательно сдали. Голова закружилась; почувствовав приближение обморока, он постарался отвести взгляд. Чтобы ничего не слышать и не видеть ужасных подробностей операции, он заткнул большими пальцами уши и устался на деревянную спинку скамьи первого ряда. Единственного звука, единственного взгляда хватило бы, чтобы лишиться последней капли самообладания. Несчастный первокурсник старался думать о крикете, о зеленом поле, о плеске воды, об оставшихся дома сестрах – о чем угодно, кроме происходившего перед глазами кошмара.

Но звуки проникли в сознание даже сквозь плотно заткнутые уши, возвращая к происходящему. Бедняга услышал или решил, что услышал, долгое шипенье карболовой помпы. Затем осознал движение ассистентов. Донеслись ли до него стоны и еще один звук – жуткий, красноречивый звук текущей жидкости? Разум во всех подробностях воссоздавал каждый шаг операции, а воображение рисовало картину еще более страшную, чем представляла собой реальность. И вот нервы напряглись до опасного предела. С каждой минутой головокружение усиливалось, а ощущение дурноты становилось все более явным и угрожающим. А потом голова со стоном склонилась и упала: лоб громко стукнул по узкой деревянной поверхности. Наступил глубокий обморок.

Придя в себя, молодой человек увидел, что лежит в пустом операционном зале с широко распахнутым воротником и растянутыми верхними пуговицами рубашки, третьекурсник протирает его лицо смоченной в холодной воде губкой, а со стороны насмешливо поглядывает пара ассистентов.

– Все в порядке, – громко проговорил новичок, садясь и протирая глаза. – Сожалею, что так опозорился.

– Да уж, – отозвался старший товарищ. – Но скажи на милость: что тебя так напугало?

– Не смог удержаться при виде операции.

– Какой операции?

– Той самой, по удалению раковой опухоли на шее.

Повисла короткая пауза, а потом все оставшиеся в аудитории дружно рассмеялись.

– Вот дурачок! – воскликнул третьекурсник. – Никакой операции не было! Выяснилось, что пациентка плохо переносит хлороформ, и хирургическое вмешательство отменили. Вместо

этого профессор Арчер принялся читать очередную блестящую лекцию, а ты отключился в тот самый момент, когда он рассказывал свою любимую историю из практики.

Последний герой битвы при Ватерлоо

Промозглым октябрьским утром над мокрыми крышами Вулиджа висели тяжелые серые ключья тумана. Длинные улицы с рядами унылых кирпичных зданий по обе стороны выглядели грязными, мрачными и угрюмыми. Со стороны высоких темных корпусов арсенала доносился треск множества колес, а ему вторил глухой стук падения массивных предметов – долетали звуки тяжелого труда. А дальше, за арсеналом, в перспективе сужавшейся улицы и уходившей вдаль стены длинной скучной вереницей тянулись грязные, задымленные дома рабочих.

Улица выглядела пустынной: на рассвете огромное, извергающее клубы дыма чудовище поглощало толпы людей, чтобы поздним вечером выплюнуть их, запачканных и изможденных. Небольшие группы детей неспешно шли в школу или медлили возле витрин, чтобы полюбоваться на выложенные напоказ на неустойчивых трехногих столиках большие книги с золотыми обрезами. Эти дорогие издания Библии служили главным украшением магазинов. Здесь и там на выкрашенных в белый цвет порогах домов, опираясь на метлы, стояли толстые женщины в грязных передниках и с красными руками. Занимаясь утренней уборкой, они громко приветствовали друг друга через улицу. Одна, самая толстая, грязная и красная, собрала вокруг себя небольшую толпу соседок и энергично о чем-то рассказывала, а слушательницы то и дело отвечали визгливым смехом.

– Я достаточно прожила на свете, чтобы ясно понимать, что происходит, – крикнула разговорчивая особа в ответ на замечание одной из приятельниц. – Если он не в своем уме, то вряд ли соображает, что происходит на белом свете. Кстати, сколько же ему лет? Никак не могу добиться ответа.

– Ну, сосчитать не так уж и трудно, – возразила бледная женщина с острыми чертами лица и голубыми глазами. – Он воевал при Ватерлоо, что доказывает пенсия и подтверждает медаль.

– Но это же было ужасно давно, – вступила в разговор другая слушательница. – Я тогда еще не родилась.

– Битва при Ватерлоо произошла в пятнадцатом году нашего века, – с высокомерной улыбкой образованной особы заметила стоявшая возле стены молодая соседка. – В субботу я заговорила со своим Биллом о старике Брустере, и он точно назвал год.

– Полагаю, ваш муж не ошибся, – отозвалась одна из сплетниц. – Сколько же лет прошло с тех пор, миссис Симпсон?

– Сейчас у нас тысяча восемьсот восемьдесят первый. – Главная героиня принялась загибать грубые красные пальцы. – А тогда был пятнадцатый. Значит... десять, десять, десять, еще десять и еще десять. Ну, всего-то шестьдесят пять лет, так что он не так уж и стар.

– Но ведь он ушел на войну не младенцем, дурочка! – засмеялась молодая женщина. – Даже если ему тогда только что исполнилось двадцать, то сейчас самое малое – восемьдесят шесть.

– Да, как раз на такие годы старик и выглядит, – раздалось сразу несколько голосов.

– Да сколько бы ему ни было, с меня достаточно, – мрачно подытожила толстуха. – Если молодая племянница, или – кто там она ему – внучатая племянница, не придет сегодня же, немедленно уйду. Пусть тогда ищет себе другую работницу. Не зря говорят, что своя рубашка ближе к телу.

– А что, он буянит, миссис Симпсон? – спросила самая молодая из соседок.

– А вот, послушайте сами, – ответила та, подняв руку и обернувшись к открытой двери. Со второго этажа доносились характерные звуки: шарканье ног и громкий стук палки. – Совсем выжил из ума: бродит туда-сюда и говорит, что несет службу. Причем продолжается это полночи. А сегодня в шесть утра принялся стучать палкой в мою дверь и кричать: «Караульный,

подъем!» и что-то еще, чего я вообще не разобрала. А когда не ходит и не кричит, то кашляет, хрипит и отхаркивается так часто и громко, что спать невозможно. Ну вот, опять! Извольте слышать!

– Миссис Симпсон, миссис Симпсон! – донесся сверху ворчливый надтреснутый голос.

– Зовет! – воскликнула она, довольно кивнув. – Наверняка сейчас затеет скандал. Да, мистер Брустер, сэр.

– Пришло время утреннего пайка, миссис Симпсон.

– Завтрак готов, мистер Брустер, сэр.

– Прямо как ребенок мамку зовет, – заметила молодая слушательница.

– Иногда хочется задать ему хорошую трепку! – зло отозвалась миссис Симпсон. – Кто станет терпеть издевательства за пару пенсов?

Компания уже собралась было отправиться в ближайший паб, но в эту минуту с противоположной стороны улицы подошла девушка и робко дотронулась до руки экономки.

– Если не ошибаюсь, это дом номер пятьдесят шесть по Арсенал-Вью, – проговорила она тихо. – Не подскажите ли: здесь живет мистер Брустер?

Миссис Симпсон смерила незнакомку критическим взглядом. Перед ней стояла девушка лет двадцати с милovidным круглым личиком, вздернутым носиком и большими серьезными серыми глазами. Пестрое платье, соломенная шляпа с яркими маками и узелок в руке сомнений не оставили: она приехала из деревни.

– Полагаю, вы и есть Нора Брустер, – неласково заявила экономка после тщательного осмотра.

– Да. Приехала ухаживать за двоюродным дедушкой Грегори.

– Вот и хорошо, – кивнув, одобрила миссис Симпсон. – Давно пора кому-нибудь из родных вспомнить о старике, тем более что с меня достаточно. И вот наконец явились вы, мисс. Входите, располагайтесь и почувствуйте себя как дома. Чай в чайнице, бекон на буфете. Если немедленно не подадите старику завтрак, уж он-то вам задаст! Вечером пришлю кого-нибудь за вещами.

С этими словами теперь уже бывшая экономка вместе с подружками удалилась в сторону пивной.

Предоставленная самой себе, сельская девушка прошла в гостиную и первым делом сняла шляпу и жакет. В комнате с низким потолком весело горел камин и, закипая, жизнерадостно пел медный чайник. Половину большого стола покрывала грязная скатерть, на которой стоял пустой заварочный чайник, а рядом на тарелке лежала буханка хлеба и ждали своей участи несколько сухих галет.

Нора Брустер быстро осмотрелась и немедленно приступила к исполнению новых обязанностей. Не прошло и пяти минут, как чай заварился, на сковородке аппетитно зашкворчали два ломтика бекона, на столе воцарился порядок, салфетки на спинках темно-коричневых кресел легли ровно, а вся комната приобрела аккуратный и даже уютный вид. Закончив уборку, Нора принялась с интересом рассматривать гравюры на стенах. Ее внимание привлекла коричневая медаль на пурпурной ленточке, заключенная в маленький квадратный футляр с прозрачной крышкой. Чуть ниже, в стеклянной рамке, хранилась вырезка из очень старой газеты. Держась за край камина, Нора приподнялась на цыпочки, вытянула шею и, поглядывая на жарившийся внизу бекон, принялась читать. Пожелтевшая от времени записка гласила:

«Во вторник в казарме Третьего гвардейского полка прошла знаменательная церемония. В присутствии принца-регента, лорда Хилла, лорда Сэлтона, а также всего благородного и достойного собрания капрал Грегори Брустер из флангового отряда капитана Холдейна был удостоен почетной медали за заслуги в недавней великой битве в Нидерландах. В достопамятный день восемнадцатого июня четыре отряда Третьего гвардейского полка и Колдстримской гвардии под командованием полковников Мейтленда и Бинга удерживали отбитый у францу-

зов стратегически важнейший объект – замок Угумон на правом фланге британской позиции. В критический момент битвы в войсках закончился порох. Видя, что генералы Фуа и Жером Бонапарт вновь готовят наступление пехоты, полковник Бинг командировал капрала Брустера в тыл с заданием доставить резервные боеприпасы. Капрал Брустер встретил две повозки дивизии Нассау и, угрожая мушкетом, вынудил возниц доставить порох в Угумон. Однако в его отсутствие в результате обстрела батареей французских гаубиц загорелась живая изгородь вокруг замка, отчего проезд груженных порохом повозок превратился в чрезвычайно опасное действие. Первая повозка взорвалась вместе с кучером. Напуганный участием товарища, второй кучер повернул лошадей обратно, однако капрал Брустер прыгнул на козлы, столкнул труса и, вихрем промчавшись сквозь огонь, успешно доставил опасный груз в расположение своей армии. Благодаря этому героическому поступку британское войско успешно завершило операцию, поскольку без пороха удержать замок Угумон не удалось бы. А герцог Веллингтон не раз подчеркивал, что, если бы пали Угумон и Ла-Э-Сент, он не смог бы победить. Пожелаем же капралу Брустеру долгих лет жизни, чтобы он смог с честью носить доблестно заслуженную медаль и с гордостью вспоминать тот знаменательный день, когда в присутствии боевых товарищей получил из рук первого джентльмена королевства важное свидетельство своего бесстрашия».

Знакомство со старинной вырезкой укрепило то благоговейное уважение, которое девушка всегда питала к родственнику-воину. Еще в детстве мистер Брустер стал для Норы почти легендарным героем: она прекрасно помнила рассказы отца о его мужестве и силе, о том, как дядюшка мог ударом кулака повергнуть наземь быка или унести сразу две толстых овцы – по одной в каждой руке. Хотя Нора никогда не видела родственника, всякий раз, когда вспоминала о нем, в памяти всплывал грубо написанный портрет крепкого человека в высокой медвежьей шапке, с чисто выбритым широким лицом.

Она все еще рассматривала медаль, пытаясь догадаться, что может означать латинская надпись «*Dulce et decorum est*»², когда с лестницы внезапно донеслось шарканье, сопровождаемое стуком палки, а спустя мгновение в дверях появился тот самый человек, который так часто занимал ее мысли.

Но неужели это действительно был он – тот самый могучий герой? Куда пропали характерные черты часто представавшего в воображении прекрасного мужественного образа: горящие глаза, воинственный вид, решительное лицо? В рамке дверного проема стоял высокого роста сухопарый старик – сморщенный и костлявый, с узловатыми руками и предательски нетвердыми ногами. Взгляд девушки остановился на облаке редких седых волос, испещренном багровыми венами крупном носе, бровях – неопрятных серых щетках и паре неуверенных, водянистых голубых глаз. Капрал Брустер тяжело опирался на палку; сутулые плечи равномерно вздымались и опускались в такт хриплому, натужному дыханию.

– Хочу получить утренний паек, – проворчал старик и проковылял к своему креслу. – Без него меня съедает холод. Вот, посмотрите на пальцы! – С этими словами он вытянул изуродованные временем морщинистые, заскорузлые руки с огромными опухшими суставами.

– Завтрак готов, – ответила Нора, с любопытством разглядывая родственника. – Знаете, дядюшка, кто я такая? Я – Нора Брустер из Уитхэма.

– Ром хорошо согревает, – пробормотал старик, раскачиваясь. – Шнапс тоже согревает, а еще суп. Но мне чаю. Повтори: как тебя зовут?

– Нора Брустер.

– Постарайся говорить громче, девочка. Сейчас голоса звучат уже не так отчетливо, как прежде.

---

² «Сладостно и почетно». Гораций, «Оды». – Здесь и далее, если не оговорено иначе, прим. переводчика.

– Дядюшка, я – Нора Брустер. Ваша внучатая племянница. Приехала из Эссекса, чтобы жить вместе с вами.

– Значит, дочка брата Джорджа! – Старик хрипло засмеялся, и выступающие на шее вены заметно напряглись.

– Я внучка вашего брата Джорджа, дочка его сына, – пояснила девушка, переворачивая на сковородке бекон.

– Да, малыш Джордж всегда был молодцом! – продолжил старик. – Честное слово, никто не мог его одурачить. Помню, когда я получил премию за поступление на военную службу, первым делом подарил ему щенка бульдога. Должно быть, он тебе об этом рассказывал?

– Дедушка Джордж умер уже двадцать лет назад, – ответила Нора, наливая чай.

– Отличный был щенок. Породистый. Но без завтрака мне очень холодно. Ром хорош и шнапс тоже, но чай люблю не меньше. – Тяжело дыша, мистер Брустер принялся за еду. – Надеюсь, дорога прошла сносно? Наверное, дилижанс отправился еще вчера вечером?

– Что-что?

– Почтовая карета, в которой ты приехала.

– Нет, я приехала утренним поездом.

– Подумать только! Значит, не боишься нынешних ужасных новшеств! Даже представить страшно, что девочка одна ехала по железной дороге. Куда только катится мир!

На несколько минут воцарилась тишина. Помешивая свой чай, Нора искоса смотрела на синие губы и чавкающие челюсти родственника.

– Наверное, вы многое повидали на своем веку, дядюшка, – наконец заговорила она. – А жизнь, должно быть, кажется вам очень долгой.

– Нет, вовсе не такой уж и долгой. В Сретение мне исполнится девяносто, но кажется, что на военную службу поступил совсем недавно. А битва при Ватерлоо и вообще помнится, как будто состоялась только вчера. Ну вот, утренний паек придал сил! – Теперь старик действительно выглядел не таким слабым, истощенным и бледным, как до завтрака. Лицо слегка порозовело, а спина заметно выпрямилась. – Ты уже прочитала? – Он кивнул в сторону висевшей на стене газетной статьи.

– Да, дядюшка. Бесспорно, это большой подвиг.

– Да, великий день выдался! Великий день! Там был сам принц-регент, да и другие важные люди собрались! Он сказал, что полк мной гордится. А я ответил, что горжусь своим полком. «Какой замечательный ответ», – обратился принц-регент к лорду Хиллу, и оба от души рассмеялись. Но зачем ты смотришь в окно?

– О, дядюшка, по улице марширует военный отряд, а впереди идет оркестр.

– Отряд, говоришь? Где мои очки? Да, слышу музыку, да как отчетливо! Какой номер стоит на погонах, девочка? – Глаза старика ожили, а костлявые желтые пальцы, словно когти, вцепились Норе в плечо.

– Номера не видно, дядя. Но на погонах что-то написано. Кажется, «Оксфордшир».

– Ах, да! – проворчал старик. – Слышал, что номера отменили, а взамен дали новомодные названия. Хорошо идут, ей-богу! Почти все молодые, но маршировать не разучились. Четко чеканят шаг, ничего не скажешь. Да, добросовестно чеканят, не ленятся.

Старик провожал отряд взглядом до тех пор, пока последняя шеренга не скрылась за поворотом, а музыка не стихла вдалеке. Не успел он вернуться в кресло, как дверь открылась и в комнату вошел джентльмен.

– Доброе утро, мистер Брустер! – бодро приветствовал он. – Как здоровье? Получше сегодня?

– Здравствуйте, доктор. Да, сегодня намного лучше. Но в груди все равно что-то постоянно булькает. Все время хочется откашляться. Мокрота мешает. Может быть, дадите что-нибудь против мокроты?

Доктор – молодой человек с серьезным лицом – бережно сжал пальцами изборожденное морщинами запястье с выступающими синими венами.

– Будьте осторожны, – предупредил он строго. – И не нарушайте режим.

Тоненькая ниточка пульса в руке не столько билась, сколько едва заметно вздрагивала.

Старик усмехнулся.

– Ко мне приехала внучка брата Джорджа. Будет присматривать, чтобы не покидал казарму, не хулиганил и не делал ничего запретного. Ах, черт возьми! Чувствовал же, что чего-то не хватает!

– Где?

– Да у тех военных. Вы же видели, как они шли, доктор, правда? Так вот, все были без ранцев. Да, ни один не надел ранец! – Открытие развеселило старика, и он хрипло засмеялся. – Видит Бог, герцог Веллингтон ни за что не стерпел бы нарушения устава! Сказал бы им пару ласковых!

Доктор улыбнулся.

– Ну, да вы сегодня молодцом. Загляну примерно через недельку, проверю, как идут дела.

Нора проводила его до двери, и молодой человек знаком попросил выйти вместе с ним.

– Мистер Брустер очень плох, – прошептал он. – Если заметите ухудшение, немедленно пошлите за мной.

– Какое у него заболевание, доктор?

– Девяносто лет, вот какое. Артерии забиты, сосуды сердца сужены, слабость сердечной мышцы. Старик с трудом дышит. Окончательно ослаб.

Стоя на крыльце, Нора провожала взглядом быстро удалявшегося доктора и раздумывала о свалившейся на плечи новой ответственности. А когда повернулась, увидела стоявшего рядом высокого смуглого артиллериста с тремя золотыми нашивками сержанта на рукаве и карабином в руке.

– Доброе утро, мисс, – приветствовал военный, подняв крепкую ладонь к лихой фуражке с желтым околышем. – Здесь живет пожилой джентльмен по фамилии Брустер, участник сражения при Ватерлоо?

– Это мой двоюродный дедушка, – потупившись под пристальным, оценивающим взглядом незнакомца, ответила Нора. – Отдыхает в гостиной.

– Не позволите ли побеседовать с ним, мисс? Если сейчас неудобно, могу зайти позже.

– Уверена, что он будет очень рад встрече. Пожалуйста, пройдите со мной. Дядюшка, пришел джентльмен и хочет с вами побеседовать.

– Горжусь возможностью вас увидеть, сэр! Горжусь и радуюсь, сэр! – очень громко обратился сержант, сделав три шага вперед, поставив карабин и красиво вскинув руку в приветственном салюте. Нора замерла возле двери с широко распахнутыми глазами и открытым ртом, пытаясь понять, выглядел ли дядя в молодости так же великолепно, как этот удивительный посетитель, и состарится ли когда-нибудь бравый военный.

Мистер Брустер прищурился и медленно покачал головой.

– Присаживайтесь, сержант, – пригласил он, показав палкой на стул. – Такой молодой, а уже носите три нашивки. Видит Бог, сейчас проще получить три, чем в мое время одну. Тогда канониры почти все были старыми солдатами, и седина в волосах появлялась раньше, чем три золотые нашивки на рукаве.

– Служу уже восемь лет, сэр, – четко отрапортовал сержант. – Меня зовут Макдоналд. Сержант Макдоналд из четвертой батареи Южного артиллерийского дивизиона. Явился по поручению сослуживцев, товарищей по казарме, чтобы сказать, что гордимся тем, что находимся в одном городе с вами, сэр.

Старый Брустер довольно рассмеялся и потер костлявые руки.

– То же самое сказал принц-регент, – прохрипел он. – Да, так и сказал: «Полк вами гордится». А я ответил: «Горжусь своим полком». «Чертовски хороший ответ», – сказал принц лорду Хиллу, и оба расхохотались.

– Служащие нижних чинов тоже сочтут за честь вас увидеть, – доложил сержант Макдоналд. – Так что, если пожелаете нас навестить, в любой момент вас ждет трубка с табаком и кружка грога.

Старик смеялся до тех пор, пока не зашелся в кашле.

– Значит, будут рады меня увидеть? Ишь, хитрые каналы! Что же, когда потеплеет, может быть, и загляну к вам. Паек уже их не устраивает да? Питаются, как офицеры, в столовой? Подумать только! Куда катится этот мир!

– Вы служили в линейном полку, сэр? – почтительно осведомился сержант.

– В линейном? – презрительно повторил старик. – Еще чего! В жизни не надевал кивера! Был гвардейцем и до сих пор им остаюсь. Да, служил в Третьем гвардейском полку – том самом, что сейчас называют Шотландской гвардией. Боже мой, наши все до единого умерли. Да, начиная со старого полковника Бинга и заканчивая мальчишками-барабанщиками. Теперь я один на свете. Да-да, отстал от своих! Честное слово, сержант, я не кто иной, как отставший от своего полка солдат! Дезертир! Все еще здесь, когда давно должен быть там! Но, видит Бог, вины моей в этом нет: как только поступит приказ, тотчас готов встать в строй.

– Да, сэр, рано или поздно все исполним приказ свыше, – ответил сержант и протянул кисет из тюленьей кожи: – Не желаете ли отведать моего табачку?

Брустер достал из кармана почерневшую глиняную трубку и принялся набивать, однако через пару секунд трубка выпала из неверных пальцев и разлетелась на мелкие кусочки. Губы задрожали, нос сморщился, и старик зарыдал безудержно и беспомощно, словно ребенок.

– Разбил любимую трубку! – пробормотал он сквозь слезы.

– Не плачьте, дядюшка, пожалуйста, не надо! – воскликнула Нора, склонившись, ласково глядя старика по седой голове и утешая так, как утешают младенца. – Ничего страшного, сегодня же купим новую.

– Не расстраивайтесь, сэр, – в свою очередь успокоил бравый воин. – Вот прекрасная деревянная трубка с янтарным мундштуком. Окажите честь, примите в дар. Буду искренне рад.

– О господи! – Капрал Брустер улыбнулся сквозь слезы. – Честное слово, замечательная трубка. Нора, посмотри, что подарил мне сержант! Готов держать пари, что у брата Джорджа никогда такой не было. При вас кремневое ружье, сержант?

– Да, сэр. Заглянул к вам по дороге со стрельбища.

– Позвольте посмотреть. Да, давненько не держал в руках мушкета. А каков порядок владения оружием? Все по-старому: зарядить – взвести курок – к бою? А, сержант? Ах, господи! Разломил ваш мушкет пополам!

– Не волнуйтесь, сэр, мушкет не сломан, – рассмеялся артиллерист. – Просто вы случайно нажали на рычаг и открыли казенную часть. Теперь заряжаем новым способом.

– С другого конца? Ну и ну, подумать только! И даже без шомпола! Да, слышал о таком, но, честно говоря, до сих пор не верил. Но вашим модным глупостям не сравниться с добрыми старыми мушкетами. Помяните мое слово: когда дойдет до дела, непременно вернуться к давно испытанной системе.

– Право, сэр, в Южной Африке необходимо срочно все менять! Сегодня в утренней газете сообщили, что правительство сдалось под натиском буров! Должен доложить вам, сэр, что солдаты страшно недовольны.

– Да уж, – проворчал старик, – видит Бог, герцог Веллингтон не стерпел бы такого позора! Задал бы им хорошую трепку!

– Так точно, сэр! – с готовностью поддержал сержант. – Да пошлет нам Бог еще одного такого военачальника! Но боюсь, сэр, что утомил вас долгим визитом. Если позволите, как-

нибудь зайду снова, да не один: приведу с собой пару-тройку товарищей. Каждый из сослуживцев сочтет за честь побеседовать с вами.

Снова отсалютовав ветерану, подарив Норе ослепительную улыбку и оставив воспоминания о голубом мундире с золотым шитьем, красавец-артиллерист удалился. Однако вскоре исполнил обещание и явился снова, а потом, на протяжении долгой зимы, часто приходил на Арсенал-Вью. Надо заметить, что спустя некоторое время уже стало непросто определить, кому из обитателей старинной квартиры предназначались визиты, зато не составляло труда понять, кто из двоих ждал встречи с большим нетерпением. Сержант сдержал слово и начал приводить с собой друзей, а вскоре паломничество к папаше Брустеру превратилось в добрую военную традицию. Церемонно кланяясь, бряцая шашками и звеня шпорами, артиллеристы и саперы, пехотинцы и драгуны входили в маленькую гостиную, садились, вытягивали длинные ноги почти на весь лоскутный коврик и в знак глубокого почтения доставали из кармана пачку трубочного или кулек нюхательного табака.

Зима выдалась на редкость холодной. Шесть недель кряду снег пролежал, не тая. Норе с трудом удавалось поддерживать в изможденном дядюшкином теле искру жизни. Случались дни, когда разум старика слабел, и тогда он не произносил ни единого слова, лишь в привычные часы приема пищи оглашал дом истошным звериным криком. Он превратился в седовласого младенца с детскими ощущениями и заботами. Однако весна все-таки пришла и принесла с собой долгожданное тепло. Почки на деревьях распустились, кровь в старых венах оттаяла, и капрал Брустер даже находил силы выйти на крыльцо, чтобы погреться на живительном солнышке.

– Да, так-то лучше, – признался он однажды, нежась в ласковых майских лучах. – Вот только мух много, постоянно приходится отмахиваться. В такую погоду насекомые становятся особенно нахальными и страшно надоедливими.

– Позвольте, я буду сама отгонять их от вас, – предложила Нора.

– Вот это другое дело! Солнце напоминает о грядущем блаженстве. Почитай что-нибудь из Библии, девочка. Библия чудесно успокаивает.

– О чем же вам почитать, дядюшка?

– О, выбери отрывок про войны.

– Про войны?

– Да-да, уж постарайся! Причем из Ветхого Завета. По-моему, там истории куда занимательнее. Когда приходит пастор, то читает о другом, а мне хочется слушать про Иисуса Навина. Все остальные мало интересуют. Да, израильтяне были добрыми воинами. Храбрыми воинами, все до одного.

– Но, дядя! – попыталась возразить Нора. – В следующей жизни царит мир. Войн нет.

– Ничего подобного, девочка. Еще как есть.

– Нет-нет, дядя, честное слово!

Старый капрал сердито стукнул палкой о землю.

– Говорю тебе, что и там будет война. Я спрашивал пастора.

– И что же он сказал?

– Сказал, что грядет последняя, самая главная битва. И даже произнес какое-то трудное название. Кажется, Арм... Арм...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.